

ДѢТСКІЙ МІРЪ

№ 22

1 Декабря.

**ОРТОПЕДІЯ
и БАНДАЖИ**

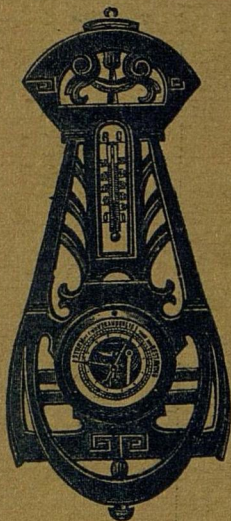
Г. ШВАРТЦЕ,

бандажистъ и специалистъ по ортопедич. механикѣ.

Москва, Маросейка (№ 15), д. Тушинной. ☎ Телефонъ 98-20.

**МАГАЗИНЪ, МАСТЕРСКІЯ
и КАБИНЕТЫ ДЛЯ ПРИМѢРКИ.**

Къ услугамъ дамъ имѣется опытная женская особа.

Искусственныя ноги, руки. Ортопедическіе аппараты новой системы, какъ-то корсеты и шины (Hessing-Hoffa). Бандажи для грыжъ и бандажи брюшныя всевозможныхъ системъ. Слуховыя трубки. Резиновыя чулки. Новѣйшіе аппараты для домашней гимнастики отъ 2 руб. до 125 руб.

Разныя франц. и гигиеническія вещи.

БАРОМЕТРЫ отъ 5—25 руб.

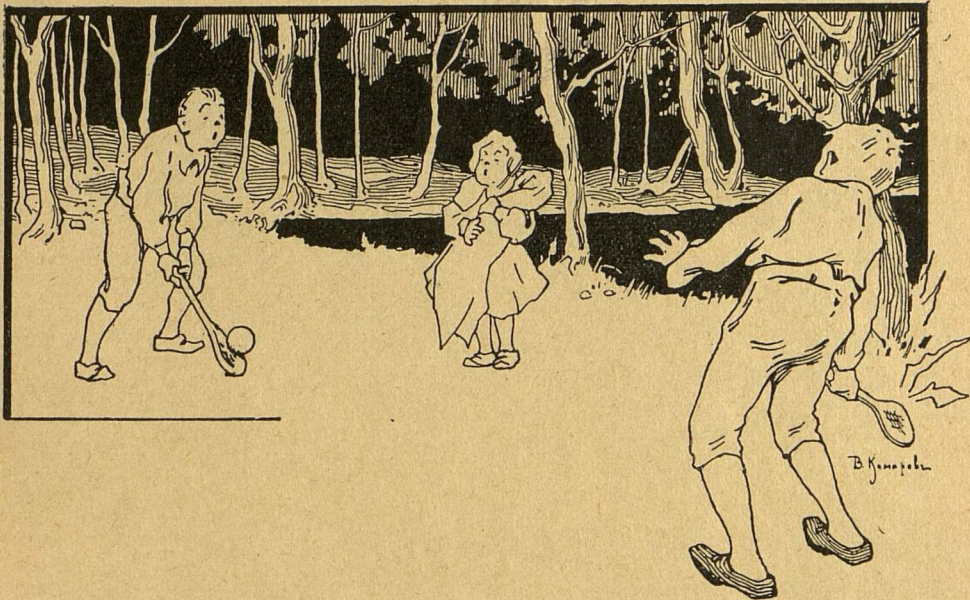
ГРАДУСНИКИ.

ШОКОЛАДЪ

ЭЙНЕМЪ

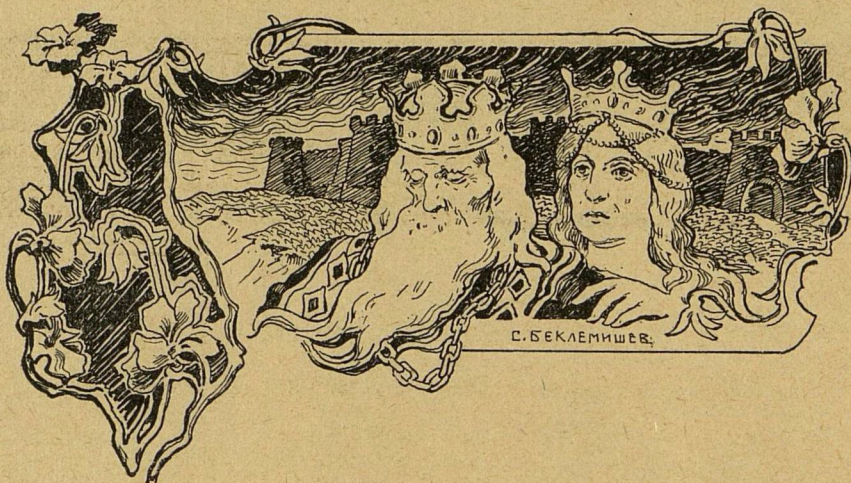

Атлантида

1908

№ 22. 1 Декабря.

Содержаніе: Стихотвореніе *Андрея Кузнецова* — Въ глубь вѣковъ. *П. Джунковскаго*. (Продолженіе). — Товарищи. *Мифона К.* — Рисованіе копотью. — Рисунки.

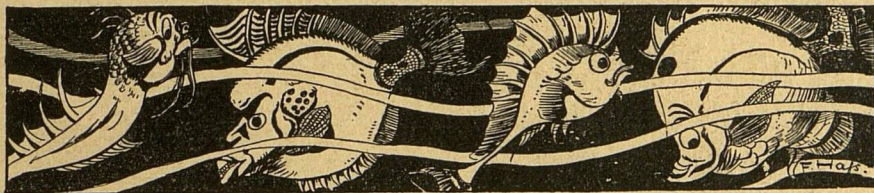

Вечеръ.

Вечеръ. Тишь въ деревнѣ,
Не видать огня...
Часъ насталь покоя
Труженикамъ дня.
Жгучія заботы,
Страдныхъ нуждъ дневныхъ,
До изнеможенья
Утомили ихъ.
На жнитво и пашню
Сила имъ нужна,
Не лиши ихъ, Боже,
Дорогого сна!..

Андрей Кузнецовъ.

Въ глубь вѣковъ

Таинственныя приключенія европейцевъ 100.000 лѣтъ тому назадъ.

П. Джунковскаго.

(Продолженіе).

Хозяева возвратились только поздно вечеромъ, когда наши друзья развели уже кольцо костровъ, приготовляясь къ ночлегу. Туземцы пришли усталые и печальные. Молча, поставили они свои корзины наполненныя плодами. Мать сейчасъ же увела спать утомленныхъ ребятишекъ, а старшіе грустно, не говоря ни слова, усѣлись у костровъ.

Дядя Карлъ первый рѣшилсѣ прервать тяжелое молчаніе.

— Почему же вы такъ долго не приходили? спросилъ онъ у хозяина.

— Мы ходили очень далеко, отвѣчалъ тотъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ вы были съ нами, уже нѣтъ больше плодовъ.

— Да и въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы были сегодня,— завтра уже не будетъ ихъ, мрачно добавилъ старикъ.

— Это извѣстіе поразило нашихъ путешественниковъ, хотя въ сущности они должны были бы быть къ нему готовыми.

— Но что же мы будемъ ѣсть черезъ два-три дня? взволнованно спросилъ Юганъ, обращаясь почему-то къ профес-

сору Курцу,—но тотъ въ недоумѣніи только руками развелъ.

— Ну что жъ, дорогой Іоганъ, полу-шутя, полу-серьезно замѣтилъ Ганцъ, видно ужъ для спасенія нашей жизни вамъ придется еще разъ выйти замужъ за какую-нибудь мѣстную красавицу, продавъ ей себя за два-три десятка яицъ

— Никогда! вскричалъ возмущенный гастрономъ, принимая проэктъ Ганца за чистую монету, никогда,—довольно съ меня и того, что я третій день дрожу при мысли, что, можетъ быть, вокругъ насъ бродитъ уже одна моя супруга, поджидая удобную минуту, чтобы схватить меня.

— Успокойтесь, Іоганъ, сказалъ Бруно, на этотъ разъ обѣщаю вамъ, что, вмѣсто вашей невѣсты, на дерево за гнѣздами полѣзу я самъ. Это замѣчаніе настолько успокоило бѣднаго малаго, что онъ не мѣшалъ уже болѣе своими замѣчаніями бесѣдѣ дяди Карла съ хозяиномъ.

— Да, да, грустно говорилъ этотъ послѣдній, теперь я вижу, что жить въ этомъ мѣстѣ больше нельзя. Мало осталось уже людей, которые жили здѣсь прежде. Всѣ уходятъ въ ту сторону, туда, куда течетъ Большая Рѣка. Всѣ говорятъ, что скоро сюда придутъ уже „другіе люди“, а мой сынъ ходилъ сегодня вонъ туда, далеко, и говоритъ, что тамъ онъ уже видѣлъ ихъ.

— Ты уже видѣлъ ихъ? съ любопытствомъ спросилъ дядя Карлъ.

— Да видѣлъ, печально отвѣчалъ юноша... ихъ было двое. Они выкапывали изъ песка яйца чудовищъ, которыя живутъ въ водѣ и складывали ихъ въ корзины. Мнѣ говорили, что они это ѣдятъ...

— Вотъ видите, Іоганъ, значитъ, новые пришельцы не брезгаютъ яйцами крокодиловъ, и вѣроятно это обходится

имъ дешевле птичьихъ, замѣтилъ Ганцъ. Но истинный гастрономъ только поморщился на это замѣчаніе.

Водворилось долгое молчаніе, и грусть туземцевъ, Богъ вѣсть почему, передалась и нашимъ друзьямъ.

— Да, произнесъ хозяинъ съ тяжелымъ вздохомъ, жить здѣсь уже нельзя. И той хижины, которую вы дѣлаете, — теперь тоже уже не нужно дѣлать, потому что завтра мы уходимъ отсюда далеко въ ту сторону, куда идетъ „Большая Рѣка“. Тамъ, въ той сторонѣ, много звѣрей и чудовищъ, но тамъ нѣтъ еще „другихъ людей“, и еще очень много плодовъ, которыхъ здѣсь уже нѣтъ. Въ тонѣ говорившаго слышались и грусть по родному насиженному мѣсту, и надежда на будущее, и доброжелательное чувство по отношенію къ европейцамъ, когда онъ, обратившись къ нимъ, продолжалъ. Если вы хотите, то пойдите съ нами и мы вмѣстѣ найдемъ тѣ мѣста, гдѣ люди не будутъ мѣшать жить одинъ другому.

— Нѣтъ, намъ нельзя итти съ вами, отвѣчалъ ему за всѣхъ Ганцъ. Вы знаете, что на томъ берегу „Большой Рѣки“ у насъ есть семья и намъ нужно итти туда.

— Ну, тогда оставайтесь здѣсь, съ замѣтной печалью проговорилъ хозяинъ, мы дадимъ вамъ одну корзину съ плодами, но знайте, что больше вы не найдете уже ихъ въ этомъ мѣстѣ.

— Этого будетъ довольно. Мы скоро перейдемъ рѣку, а тамъ мы уже знаемъ — гдѣ доставать плоды.

Грустно улеглась на покой въ этотъ вечеръ небольшая колонія, которая еще такъ недавно была преисполнена столькихъ радужныхъ надеждъ. Въ послѣдній разъ туземцы заботливо оберегали ночной покой своихъ гостей, внимательно поддерживая костры, а европейцы, взволнованные предстоящей разлукой съ этими простыми, но привѣтливыми и

радушными людьми, долго не могли уснуть, и молча, предавались тревожной думѣ о томъ, что ожидало ихъ на другой день, когда будутъ они предоставлены своимъ собственнымъ силамъ среди столь чуждой имъ обстановки, и въ виду нашествія, можетъ быть, враждебнаго племени.

Въ эту ночь страшнѣе казался имъ вой дикихъ звѣрей, раздававшійся по лѣсу среди ночного мрака, и чудилось имъ будто сегодня смѣлѣе и ближе подходили эти чудовища къ ихъ яркому кольцу костровъ. Только убѣдившись, что туземцы, какъ и всегда, бдительно поддерживаютъ огонь, они заснули, наконецъ, побѣжденные дневной усталостью...

Когда на другой день европейцы проснулись съ восходомъ солнца, то съ ними не было уже никого изъ туземцевъ. Въ самомъ центрѣ ихъ потухшей спальни стояла одна изъ корзинокъ съ плодами, а рядомъ съ нею было воткнуто въ песокъ нѣсколько охотничьихъ дубинокъ. Это было послѣднимъ знакомъ вниманія, которое проявили къ своимъ друзьямъ жители этой страны, навсегда покидая свою родину.

Сиротливо и словно покинутыми почувствовали себя наши путешественники; даже Іоганъ, непримиримый противникъ туземцевъ, потихоньку признался Бруно, что въ сущности народъ этотъ очень порядочный во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ развѣ ихъ закоренѣлой травоядности, что, конечно, несовмѣстимо съ человѣческимъ достоинствомъ.

Съ этого утра европейцы никогда уже не видали болѣе не только никого изъ семьи своего хозяина, но и никого изъ ихъ соплеменниковъ. Вся страна казалась будто вымершей. Такъ вымираетъ городъ, когда, ожидая вторженія сильнаго врага, жители покидаютъ его, выйдя черезъ одни ворота, тогда какъ передъ другими стоитъ непріятель, смущенный безмолвіемъ и не рѣшаясь овладѣть уже беззащитными стѣнами...

Съ особымъ усердіемъ работали въ этотъ день европейцы надъ своей лодкой, благодаря чему къ обѣду она была уже окончена. Тогда, уложивъ въ нее остатки своей провизіи и охотничьи дубинки, которыя должны были служить веслами, они подняли свой корабликъ на жерди и въ четверомъ понесли его черезъ ручей, въ свою очередь, по-

кидая то мѣсто, гдѣ волею необыкновеннаго случая имъ пришлось прожить нѣсколько дней среди столь исключительныхъ условій. Много труда стоило имъ перетащить свою ношу къ берегу „Большой Рѣки“, но, наконецъ, они добрались до той самой лужайки, на которую вышли прислѣдуемые своими маленькими мучителями. Съ необыкновенною радостью замѣтили они, что на противоположномъ берегу попрежнему лежатъ ихъ костюмы и теперь, глядя на нихъ, въ ихъ сердцахъ еще съ большею силою зашевелилось нетерпѣливое желаніе поскорѣе возвратиться къ культурнымъ временамъ существованія. Къ счастью, они очень неподалеку нашли глину, и потому немедленно же принялись за обмазку своей лодки, а затѣмъ, когда могучее тропическое солнце услужливо подсушило наложенный на нее глиняный слой, они старательно обложили его пальмовыми листьями и, такимъ образомъ, часамъ къ тремъ дня судно было готово и осторожно спущено на воду.

Приближалась минута ихъ освобожденія, и теперь даже дядя Карлъ, такъ охотно пребывавшій среди доисторическаго человѣчества, невольно чувствовалъ радость при мысли о томъ, что можетъ быть черезъ нѣсколько часовъ всѣ они снова будутъ уже въ привычной имъ культурной обстановкѣ.

— Ну, господа, сказалъ весело Ганцъ, любуясь на колыхавшуюся на водѣ лодку, теперь я думаю, мы можемъ приступить и къ переправѣ. Но едва успѣлъ онъ проговорить эти слова, какъ въ лѣсу, со стороны ихъ прежняго становища, послышался отдаленный трескъ ломавшихся вѣтвей подъ ногами, вѣроятно, многочисленной толпы, а до слуха европейцевъ долетѣлъ и ея говоръ. Съ минуту всѣ стояли молча, въ недоумѣніи поглядывая другъ на друга.

— Эге, кажется, теперь нечего дремать, въ полголоса

проговорилъ наконецъ Ганцъ, живо за дубинки и въ лодку! Повторять этой команды ему, конечно, не пришлось, такъ какъ всѣ четверо, захвативъ свои импровизированныя весла, вскочили въ корзинку и, осторожно отталкиваясь кольями, двинули ее впередъ, не переставая съ любопытствомъ глядѣть на берегъ, въ ожиданіи увидѣть тѣхъ, кто пришелъ въ эти мѣста на смѣну прежнимъ обитателямъ этихъ лѣсовъ.

Дѣйствительно, не успѣли они проплыть и десяти метровъ, какъ на песчаной отмели уже показалась густая толпа.

И подлинно то были „другіе люди“, какъ называли ихъ прѣжніе туземцы. Смуглокожіе, рослые и крѣпко сложенные они были повязаны у поясовъ уже не листьями, а звѣриными шкурами; въ рукахъ у каждаго изъ нихъ были уже не простые заостренные огнемъ колья, а короткія дубинки съ прикрѣпленными на концахъ камнями. Не было у нихъ и того открытаго, непринужденнаго добродушія, которымъ отличалось вытѣсненное ими племя, и хотя они и не казались свирѣпыми дикарями нашихъ временъ, но все же въ нихъ была замѣтна какая то непріятная, немного суровая сдержанность, которая сразу говорила, что племя это уже утратило ту простоту нравовъ и ту теплоту отношеній другъ къ другу, за которыя наши путешественники, такъ полюбили прѣжнихъ жителей этой страны.

— Ну, дядя, кажется, что этимъ угрюмымъ молодцамъ тебѣ не долго пришлось бы объяснять,—что такое обманъ, проговорилъ Бруно.

— Скажи лучше, что они сами растолковали бы дядѣ, что это за штука, если бы къ тому представился случай, замѣтилъ Ганцъ.

Между тѣмъ, стоявшая на берегу толпа съ необыкновен-

нымъ любопытствомъ разсматривала лодку, которая находилась теперь уже на срединѣ рѣки.

— Охъ, господа, замѣтилъ Іоганъ, усердно гребя своей палкою, кажется, мы какъ разъ во время покидаемъ эти мѣста. Не нравится мнѣ что-то этотъ народецъ,—ужь что-то онъ очень мраченъ... Эге! Да никакъ они собираются пуститься за нами въ погоню!..

Дѣйствительно, среди пришельцевъ произошло вдругъ нѣкоторое движеніе, и передніе ряды ихъ вошли въ воду. Эффектъ этого предпріятія совершенно удовлетворилъ Іогана, такъ какъ люди эти тотчасъ же выскочили обратно на берегъ, и, хотя молча, но съ необыкновенной поспѣшностью, принялись обирать на себѣ присосавшихся пьявокъ, тогда какъ товарищи съ удивленіемъ окружили пострадавшихъ. Въ восторгѣ отъ такой неудачи жестокосердный Іоганъ даже приподнялся въ лодкѣ, чтобы лучше разсмотрѣть, что происходитъ на оставленномъ ими берегу.

— Удивительное дѣло, продолжалъ онъ ораторствовать довольно спокойнымъ тономъ, такъ какъ чувствовалъ, что для пришельцевъ его особа недостигаема, благодаря непроеходимой рѣкѣ, замѣчаете ли вы, какъ терпѣливъ этотъ народъ. Вѣдь вотъ ихъ тамъ искусанно вѣроятно съ дюжину, а между тѣмъ мы не слышали ни единого крика боли. Съ вашего позволенія, господинъ профессоръ, я посовѣтывалъ бы вамъ отмѣтить черту этого народа... Бѣдный малый не успѣлъ окончить своего совѣта ученому мужу, такъ какъ лодка, причаливъ къ берегу, получила толчекъ и гастрономъ, потерявъ равновѣсіе, покатился въ воду откуда выскочилъ, оглашая окрестность жалобными воплями. Къ счастью, товарищи тотчасъ же освободили его отъ пьявокъ, и Іоганъ, искусанный, но счастливый бросился къ кучѣ платья, которое попрежнему продолжало лежать тамъ же, гдѣ, око-

ло двухъ недѣль тому назадъ, было оставлено нашими друзьями.

— Надѣюсь, господа, весело говорилъ онъ, что это мое послѣднее допотопное приключеніе. Теперь, ради Бога, скорѣе въ Европу, въ Нюрнбергъ.

Вмѣстѣ съ Іоганомъ всѣ поспѣшили къ костюмамъ, и дядя Карлъ первый одѣлъ свои очки, а черезъ пять минутъ всѣ четверо снова превратились уже въ европейцевъ и, стоя на берегу, съ невольнымъ волненіемъ глядѣли, какъ медленно уплывала ихъ спасительная лодочка, уносимая рѣкою внизъ по теченію.

— Теперь черезъ какойнибудь часъ, мы будемъ уже держать въ рукахъ наши спасительныя крупинки, весело замѣтилъ Бруно, ну что, всѣ ли вы готовы въ путь?

— Не забыли ли вы, г. профессоръ, чегонибудь изъ вашего костюма? заботливо освѣдомился Іоганъ, сразу входя въ свои обязанности.

— Ахъ, Боже мой! воскликнулъ на это ученый, ударяя себя по лбу. Вѣдь я забылъ на томъ берегу...

— Забыли на томъ берегу, прервалъ его въ неопisanномъ изумленіи Іоганъ. Да, что же вы умудрились забыть то тамъ? Помилосердуйте, вспомните съ чѣмъ мы пришли туда!

— Что я тамъ забылъ, вы думаете, несчастный, что мнѣ нечего было тамъ забыть! Такъ знайте-же, что всѣ эти дни я неустанно трудился надъ измѣреніемъ личного угла у мѣстныхъ жителей, что мнѣ и удалось сдѣлать при помощи тоненькихъ вѣточекъ. А теперь оказывается, что я забылъ всѣ эти снимки на томъ берегу.

— Ну, если дѣло идетъ только о тоненькихъ вѣточкахъ, то тутъ, пожалуй, нѣтъ еще большой бѣды. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что между дядей Карломъ и Іоганомъ закипѣла бы

по этому поводу жаркая словесная битва, если бы Ганцъ не предупредилъ бы ее въ самомъ началѣ.

— Господа, я прошу васъ отложить всѣ ваши объясненія въ этомъ родѣ до нашего возвращенія въ Мадрасъ; помните, что мы далеко еще не достигли нашей пещеры и что до нея остается, по крайней мѣрѣ, цѣлый часъ ходьбы по дѣвственному лѣсу, ну, а вы знаете теперь по опыту, что такая прогулка въ эти времена вовсе не шуточное дѣло. Эта короткая рѣчь подѣйствовала на спорщиковъ очень успокоительно, и наши путники, бросивъ послѣдній прощальный взглядъ на „Большую Рѣку“, на „другихъ людей“, толпившихся еще на противоположномъ берегу ея и на свою, едва виднѣвшуюся, спасительную лодочку, углубились въ густыя заросли лѣса, стараясь припомнить и отыскать дорогу къ покинутой ими пещерѣ.

Только теперь, когда они были предоставлены самимъ себѣ, европейцы, къ несказанному своему изумленію, обнаружили въ себѣ необыкновенную перемѣну. Оказалось, что за время ихъ пребыванія среди „допотопнаго міра“, какъ выражался Іоганъ, чувства ихъ значительно обострились, хотя по тонкости и уступали, конечно, чутью туземцевъ. Разъ два или три, благодаря этому обстоятельству, имъ удалось счастливо избѣгнуть столкновенія со змѣями, что, конечно, немало облегчило имъ обратный путь.

— А вѣдь это весьма недурное приобрѣтеніе, замѣтилъ по этому поводу Бруно.

— Ну, не совсѣмъ такъ, боязливо возразилъ Іоганъ, правду вамъ сказать, я побаиваюсь, какъ-бы это наше сходство съ дикарями не зашло бы слишкомъ далеко, и не уронило-бы нашего человѣческаго достоинства въ Европѣ. Да, и къ чему могутъ понадобиться всѣ эти качества цивилизованному человѣку! Вѣдь въ Нюренбергѣ, слава Богу, воспре-

щено дикимъ звѣрямъ водиться на улицахъ, а карьера охотничьей собаки меня вовсе не соблазняетъ.

— Зато, мой дорогой Іоганъ, вставилъ Ганцъ, теперь уже не одинъ мясникъ на рынкѣ не надуесть васъ, продавъ вамъ домашнюю кошку, вмѣсто дикаго зайца, какъ это однажды уже случилось съ вами.

— Да! Вотъ это пожалуй кое чего и стоитъ, согласился ученый гастрономъ, которому Ганцъ напомнилъ одно изъ печальнѣйшихъ событій въ его кулинарной практикѣ.

Болтая такимъ образомъ, они часамъ къ пяти вечера достигли, наконецъ, той прогалины, на которой находилась покинутая ими пещера. Здѣсь все оставалось въ прежнемъ положеніи и, казалось, что за время отсутствія нашихъ друзей, сюда не заглядывало ни одно живое существо. Европейцы, конечно, прежде всего бросились въ пещеру, но и тутъ все оказалось не тронутымъ. Успокоившись на этотъ счетъ, они вышли поглядѣть—нѣтъ-ли гдѣ нибудь ихъ проводника, но, къ своему крайнему неудовольствію, не могли подмѣтить ни малѣйшихъ признаковъ его близости.

— Ну, я такъ и думалъ, съ досадой замѣтилъ Іоганъ, вѣроятно этотъ малый вернулся въ Мадрасъ, не дождавшись нашего возвращенія.

— Господа! воскликнулъ Бруно, все это по моему особеннаго значенія не имѣетъ, и намъ прежде всего надо испытать силу нашихъ спасительныхъ крупинокъ.

— Вотъ, что вѣрно! подхватилъ Іоганъ, не будемъ терять времени въ пустыхъ разговорахъ. Я даже не предлагаю вамъ съ дороги закусить по—человѣчески послѣ столь продолжительнаго поста, а совѣтую прямо приступить къ дѣлу и вернуться поскорѣе къ нашимъ временамъ.

Побуждаемые этимъ желаніемъ, всѣ снова поспѣшили въ

пещеру, гдѣ Бруно сейчасъ же отыскалъ свой рѣзной ларчикъ съ таинственными зернами.

Наступала торжественная минута, которая должна была рѣшить участь нашихъ друзей. И какъ ни были всѣ они увѣрены въ томъ, что опытъ окажется удачнымъ, но все-же тѣнь сомнѣнія въ успѣхѣ его, невольно сжимала тоской ихъ сердца.

— Ну, вотъ вамъ и наши спасительныя зерна, съ нѣкоторымъ волненіемъ проговорилъ Бруно, раздавая каждому по бѣлой крупинкѣ. Что-жь, сейчасъ же и попробуемъ ихъ силу? спросилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ своимъ товарищамъ.

— Помните, господа, что уйдя отсюда, мы уже врядъ ли сумѣемъ когда нибудь снова попасть въ эти же самыя мѣста, замѣтилъ было профессоръ.

— Тѣмъ лучше! Я противъ этого рѣшительно ничего не имѣю, воскликнулъ Іоганъ.

— Да, да, Бруно,—пора кончать, говори, что намъ надо дѣлать съ этими зернами, добавилъ въ свою очередь и Ганцъ, тоже видимо не совсѣмъ спокойный по поводу благополучнаго возвращенія ихъ къ современности. Профессоръ попытался еще разъ отдалить немного минуту отъѣзда.

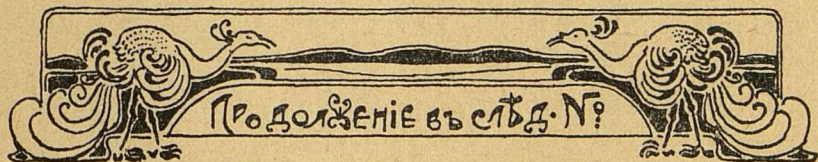
— Послушайте, господа, я, конечно не стану противиться общему желанію, хотя по существу и не раздѣляю мнѣнія...

— Вотъ это съ вашей стороны очень великодушно, г. профессоръ, не противиться общему нашему желанію, довольно безцеремонно прервалъ его нетерпѣливый Іоганъ. Итакъ, Бруно,—скажите-же, что мы должны дѣлать съ этими спасительными зернышками!

— О, дѣло это довольно просто. Ихъ нужно, просто, положить на языкъ и проглотить,—вотъ и все. Однако, на всякій случай, совѣтую дѣлать это всѣмъ въ одно время. Ну, господа... Разъ... два... три!

Повинуясь этой командѣ, всѣ разомъ проглотили свои зерна и молча глядѣли другъ на друга, въ ожиданіи того дѣйствія, которое должно было послѣдовать за этимъ приемомъ. И результатъ не замедлилъ обнаружиться въ самомъ непродолжительномъ времени. Не прошло и минуты, какъ въ ушахъ у нихъ зазвенѣло, передъ глазами поплыли яркія разноцвѣтныя пятна, голова закружилась, а по всему тѣлу разлилась пріятная теплота. Силы видимо покидали ихъ.

Прошла еще минута—другая и всѣ четверо, какъ подкошенные, повалились на мягкій песокъ и въ тотъ же мигъ потеряли сознание.

Товарищи.

Въ небольшой, но уютной квартирѣ чиновника Хворина тихо. Иногда только изъ кухни доносится ворчанье старой кухарки—Степаниды, которая ругаетъ ожирѣвшаго отъ вѣчнаго сна кота—Ваську за то, что тотъ трется у нея подъ ногами и мѣшаетъ работать, или бросается неожиданно на клубокъ, которымъ старушка вяжетъ и закатитъ его глубоко подъ кровать. Сумерки все больше ложатся въ комнатахъ, все больше обволакиваютъ предметы своей тѣнью, и Ваня радъ, что не зажигаютъ огня, что мама не напомнить объ этомъ. Ему кажется, что мамѣ также нравится такъ сидѣть въ темнотѣ и думать. Она прислонилась къ мягкой стѣнкѣ дивана и о чемъ то мечтаетъ съ закрытыми

глазами. Ваня смотритъ въ темный уголъ комнаты, гдѣ стоитъ небольшой ломберный столикъ и молча наблюдаетъ, какъ онъ все больше сливается съ окружающей темнотой и, наконецъ, совсѣмъ пропадаетъ куда - то, а на его мѣстѣ чернѣетъ какая - то густая темная масса. Ваня устало отводитъ глаза къ окну. Бѣлые хлопья снѣга тихо ударяются объ стекла и нѣкоторые остаются тамъ висѣть, образуя маленькія, красивыя звѣздочки. Иногда вѣтеръ поднимается и сметаетъ ихъ оттуда, и тогда поднимается подъ окнами снѣжная пыль, а въ комнатахъ становится еще мрачнѣе. Ванѣ жутко и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно.

Онъ опять начинаетъ сосредоточенно смотрѣть въ темный уголъ комнаты и старается разглядѣть тамъ висящую надъ столикомъ картину, на которой нарисованъ густой лѣсъ, и на сломанномъ громадномъ бревнѣ, наполовину повисшемъ въ воздухѣ, весело барахтаются два медвѣженка, но онъ ничего не можетъ разобрать, такъ какъ вся картина, какъ бы слилась со стѣной и торчитъ на ней какъ большое черное пятно.

Ваня вспоминаетъ вдругъ, что ему еще надо рѣшить къ завтрашнему дню двѣ задачи, но ему лѣнь встать, ему такъ пріятно сидѣть въ темнотѣ и мечтать!

„Ничего, послѣ рѣшу, еще успѣю!“—успокаиваетъ онъ себя. „А какой сердитый былъ сегодня учитель ариѳметики! Онъ такъ кричалъ на урокъ на Иванова за то, что тотъ не могъ рѣшить задачу! И ему смѣшно вспомнить испуганное лицо товарища, который толкалъ его подъ партой ногой и сердито шепталъ: „подскажи, свинья!“. „Да, „подскажи“, когда тутъ передъ носомъ торчитъ учитель! Я бы ее въ одну минуту рѣшилъ, хвастаетъ Ваня передъ самимъ собой.

А почему это сегодня Володи опять не было въ классъ? Жалко Володю, серьезно задумывается Ваня. Онъ такой

блѣдный сталъ въ послѣднее время, совсѣмъ пересталъ играть съ нами на перемѣнахъ и все сидитъ одинъ и думаетъ о чемъ то. На урокахъ онъ такъ замечается иногда, что не слышитъ, какъ учитель вызываетъ его и, ему на дняхъ поставили въ журналѣ за невниманіе двойку.

Почему онъ всегда такой скучный? Онъ говорилъ мнѣ, что ему не хочется идти домой, что у нихъ холодно и мама ворчитъ иногда на него, когда она работаетъ... Какъ это мама можетъ кричать на него, думаетъ Ваня и мелькомъ бросаетъ взглядъ на свою маму, которая сладко дремлетъ на диванѣ. Почему на меня мама не кричитъ? Я всегда дѣлаю уроки!.. А Володя также приготовляетъ... Нѣтъ, она видно злая, не пускаетъ его въ гимназію! А можетъ быть онъ боленъ? Онъ сказалъ, что у нихъ холодно и онъ, вѣроятно, заболѣлъ.

„Завтра, непременно, если онъ не придетъ въ гимназію, пойду къ нему,“ рѣшаетъ Ваня..! „Я знаю, гдѣ онъ живетъ.“

„Ваничка!“ прервалъ вдругъ его мечты голосъ мамы. „Ваничка, что это ты въ темнотѣ сидишь? Пойди, милый, скажи Степанидѣ, чтобы лампу зажгла“...

„Нѣтъ, мамочка, еще немного посидимъ такъ, въ темнотѣ. Такъ пріятно смотрѣть туда, далеко, въ темный уголъ и думать. Мамочка, скажи, почему это Володя такой блѣдный и скучный всегда? Онъ нездоровъ вѣроятно... Сегодня отъ то же не пришелъ въ гимназію! Если онъ завтра не придетъ, я пойду къ нему!

„Онъ далеко живетъ... Въ концѣ города!.. Онъ придетъ, милый, вѣроятно, немного простудился... Не беспокойся!.. А вотъ и папа пришелъ! Пойдемъ встрѣчать его и пошлемъ Степаниду зажечь лампу. Пойдемъ,“ и она крѣпко поцѣловала задумавшагося мальчика.

II.

Въ классѣ стоитъ неимоверный шумъ. Шалуны запускаютъ другъ въ дружку бѣлой отъ мѣла губкой и гоняются другъ за другомъ по партамъ, оглашая комнату задорнымъ крикомъ. У окна, царапая мокрую замазку стекла, стоитъ задумчиво Ваня. Онъ не обращаетъ вниманія на кипящее вокругъ него веселье и о чемъ то сосредоточенно думаетъ. „Сегодня опять Володя не пришелъ! Что съ нимъ можетъ быть?“ тревожно вертится въ головѣ у Вани и ему страстно хочется видѣть Володю, хочется посмотреть на его блѣдное, задумчивое лицо. „Неужели заболѣлъ! Или мать не пускаетъ его въ гимназію? Нѣтъ, непременно, пойду послѣ уроковъ къ Володѣ, рѣшаетъ Ваня. Сегодня у насъ только три урока, значитъ, еще часъ остается сидѣть, произносить Ваня почти вслухъ, и ему кажется, что перемена сегодня очень

долго тянется, что сторожъ Матвѣй нарочно не звонитъ, на-зло, хочетъ продлить перемѣну. Но вотъ задребезжалъ коло-кольчикъ, сначала тихо, а потомъ все громче и громче, и Ваня спѣшитъ къ своей партѣ. „Почему это сегодня учи-тель такъ долго не идетъ?“ сердится Ваня и съ непріязнью смотритъ не вошедшаго низенькаго, худого француза. Онъ разсѣянно просидѣлъ урокъ и, какъ только учитель напра-вился изъ класса, стремглавъ бросился въ шинельную и че-резъ нѣсколько минутъ уже шагаль по улицѣ. Володя жилъ почти на краю города. Ваня рѣдко бываль въ этой части, но весною онъ иногда попадалъ сюда, когда возвращался съ прогулки въ лѣсъ, и Володя указаль ему домъ, гдѣ онъ жилъ. Теперь онъ не узнаваль эти занесенные глубокимъ снѣгомъ полуразвалившіеся, низенькіе домики и съ боль-шимъ трудомъ различилъ между ними покосившійся на бокъ домъ своего школьнаго друга.

Онъ подошелъ къ кривой, повисшей на одинъ крюкъ калиткѣ, слегка пріоткрылъ ее и просунулъ въ образовав-шееся отверстіе свою голову, окинувъ быстрымъ взглядомъ маленькій дворикъ. Противъ калитки, у дверей низкаго, на-половину занесеннаго снѣгомъ, сарая, стоялъ, нагнувшись надъ нѣсколькими полѣньями дровъ, Володя. Онъ старался своими небольшими, еще почти дѣтскими, руками обхватить тяжелыя, мерзлыя полѣнья, лежавшія предъ нимъ на снѣгу. Ваня почти его не узналъ. На немъ было накинута старое женское пальто, широкое и растрепанное во многихъ мѣ-стахъ, откуда торчали куски грязной ваты. Услышавъ скрипъ калитки, онъ быстро обернулся и, увидѣвъ товарища, оста-вилъ дрова и подбѣжалъ къ нему.

— „Ваня!... Здравствуй, какъ ты попалъ сюда?“... Спро-силъ Володя, смутившагося товарища. Ванѣ стало вдругъ почему-то стыдно предъ Володей.

— „Да, такъ... Почему ты въ гимназію не ходишь?“

— „Некогда... Мама больна и лежитъ въ постели... У насъ никого нѣтъ и я долженъ ухаживать за ней. Она очень больна!... Вотъ одолжилъ у сосѣда дрова и печку хочу топить. Холодно у насъ! Давно не топили“... отвѣтилъ Володя, и по его блѣдному худому лицу пробѣжала еле замѣтная дрожь, и чуть искривившіяся губы нервно сжались. Видно было, что ему было стыдно, было непріятно предъ товарищемъ, и его большіе, задумчивые глаза наполнились слезами. Ванѣ до боли стало жалко товарища, и онъ хотѣлъ хоть чѣмъ нибудь помочь ему.

— „Володя“, тихо сказалъ онъ, „дай я помогу тебѣ внести дрова“.

— „Хорошо“, искоса посмотрѣлъ Володя на товарища. „Зайдемъ къ намъ. Спишу уроки на завтра. Мама будетъ рада, что кто-нибудь чужой придетъ къ намъ. Все легче... А то лежитъ все одна и стонетъ“. Ваня быстро подтянулъ свой ранецъ и направился съ товарищемъ къ сараю. Тяжелое мерзлое полѣно, покрытое снѣгомъ и замерзшей грязью, царапало съ непривычки Ванѣ руки, несмотря на его перчатки, и гнуло ему спину, но онъ не хотѣлъ показывать предъ товарищемъ свою слабость и старался держаться бодро и напрячь всѣ свои силы, чтобы не уронить тяжелаго дерева. Онъ медленно поднялся вслѣдъ за Володей по искривленной, шатающейся лѣстницѣ, и направился по темному сырому коридору къ двери, которую Володя толкнулъ ногой.

— „Положи полѣно и садись, а я затоплю печь“, сказалъ Володя и молча принялся за дѣло. Ваня присѣлъ къ столу и сталъ осматривать комнату. Какое-то непріятное, тяжелое чувство стало охватывать Ваню при видѣ этихъ грязныхъ голыхъ стѣнъ, кривой выпуклой печки, отъ длиннаго деревяннаго стола покрытаго изорванной во многихъ

мѣстахъ клеенкой, отъ стульевъ съ продавленными соломенными сидѣньями и пузатаго комода, на которомъ лежалъ прикрытый наполовину черный хлѣбъ. Сквозь грязныя, маленькія, наполовину замазанныя стекла слабо пробивался свѣтъ, отчего комната принимала еще болѣе мрачный видъ.

Ванѣ ясно представилась въ умѣ ихъ чистая, уютная квартира, кипящій на столѣ самоваръ, который тихо напѣваетъ, пуская къ потолку высокій столбъ пара, и ему захотѣлось поскорѣй домой, захотѣлось подбѣжать къ мамѣ, прижаться къ ней и заплакать, заплакать громко, неудержимо. Кто-то тихо стоналъ за перегородкой и Ванѣ казалось, что тамъ кто-то плачетъ, кого-то бьютъ. Глухое желаніе расплакаться самому, сейчасъ, въ этой бѣдной незнакомой комнатѣ, подступало къ его горлу, и онъ съ трудомъ

сдерживалъ себя, крѣпко кусая губы. Володя былъ занятъ печкой и долго не обращалъ вниманія на товарища. Наконецъ, огонь затрещалъ въ печкѣ и онъ оставилъ ее, прикрывъ дверцы, и подошелъ къ Ванѣ.

Его всегда блѣдное лицо теперь покраснѣлось отъ работы, но большіе глаза были красны и до того устали, что, казалось, онъ сейчасъ опустится на стулъ и заснетъ. Онъ подошелъ къ простой кисейной занавѣскѣ, раздѣлявшей комнату на двѣ половины, изъ которыхъ одна служила спальней, а другая столовой и, заглянувъ туда, вернулся обратно къ Ванѣ.

— „Тише говори, она заснула... Сегодня цѣлую ночь она не спала; все кашляла... Я бѣжалъ ночью въ аптеку за лѣкарствомъ и, знаешь, большая сосѣдская собака погналась за мной. Вотъ испугался! Началъ снѣжками въ нее кидать,—она отстала... Большая, знаешь, она! Страсть какая злая, можетъ разорвать человѣка!... А у тебя уроки на завтра записаны?.. Дай, спишу!..“

— „А ты завтра, значить, пойдешь въ гимназію?“

— „Не знаю... Мама очень больна еще, сильно простудилась. Бѣлье заказчицамъ неслла, она шьетъ для нихъ;—домой потомъ пришла и слегла. Вотъ ужъ три дня дома сижу.... а вы, много, вѣроятно, прошли! Десятичные дроби закончили?!..“

— „Нѣтъ, мы... кто-то зоветъ тебя!..“

— „Володя,“ тихо простоналъ кто-то за перегородкой. „Володя, кто это тамъ у тебя?“

— „Товарищъ“, поспѣшилъ отвѣтить Володя, подбѣгая къ занавѣскамъ. „А тебѣ, мама, ничего не нужно?“

— „Нѣтъ, спасибо, милый, ничего не надо. Позови своего товарища, я хочу посмотрѣть на него“.

Ваня робко переступилъ за занавѣсъ и подошелъ къ кровати больной.

— „Навѣстить пришелъ товарища?.. Въ одномъ классѣ вы?!.. Добрый ты, хорошій мальчикъ... Спасибо!“ шептали ея болѣзненные губы, и длинная, костлявая, страшно худая рука ея, взяла небольшую пухлую руку мальчика и крѣпко пожала ее.

Ваня посмотрѣлъ въ лицо больной и встрѣтился съ ея глубокими, задумчивыми глазами, которые такъ же, какъ и у Володи, смотрѣли куда-то впередъ, какъ будто ничего не видѣли передъ собой. Ему до слезъ стало жалко эту блѣдную, худую женщину, и онъ заморгалъ глазами, чтобы не выдать себя. Тяжелый спертый воздухъ, съ примѣсью лѣкарства, кружилъ ему голову. Больная снова закашлялась, откинула голову на подушку и устало закрыла глаза.

— „Пойдемъ“, тихо шепнулъ Володя, и товарищи на цыпочкахъ вышли изъ-за перегородки.

— „Жалко твою маму... Больно ей, вѣроятно, очень“; сказалъ Ваня.

— „Да, раньше она тоже кашляла, но не такъ сильно. Она цѣлый день работала; все шила, и вдругъ закашляется и начнетъ тогда на меня ворчать... Трудно ей работать, а денегъ у насъ нѣтъ“, съ не по-дѣтски серьезнымъ лицомъ рассказываетъ Володя товарищу... „А теперь вотъ заболѣла и совсѣмъ нѣтъ... Вчера ничего не кушала, а сегодня сосѣдъ принесъ хлѣба... Мама совсѣмъ ничего не ѣстъ. Жалко ее... Не можетъ, у ней голова болить. Она, знаешь, добрая, а ворчитъ такъ, непріятно ей тоже... Вотъ, когда вырасту большимъ“, оживляется Володя, „буду работать много, буду помогать ей, а то она одна работаетъ теперь... трудно ей! Когда папа жилъ, она не работала, мы жили хорошо, тепло было у насъ! А теперь.... Совсѣмъ забылъ!...“ прервалъ вдругъ

Володя, подбѣгая къ печкѣ, и сталъ размѣшивать палкой красные накалившіеся угли. Искры съ трескомъ стали вылетать оттуда, и нѣкоторыя изъ нихъ попадали Володѣ на колѣни, на руки, обжигая ихъ.

Ваня сталъ пристально смотрѣть на длинные огненные языки, убѣгающіе куда-то далеко наверхъ, и ему становилось еще больше жаль Володю. Онъ начиналъ понимать теперь, почему Володя въ классѣ бываетъ такой скучный, почему онъ пересталъ играть съ ними на переменахъ, а задумчиво сидѣлъ на своей скамейкѣ и не обращалъ вниманіе на происходящій вокругъ него веселый смѣхъ и шумъ. Еще мрачнѣе начинаетъ казаться ему теперь неуютная, бѣдная квартирка товарища. „Жалко Володю! Тяжело ему, вѣроятно!“ думаетъ Ваня и смотритъ съ жалостью на товарища. „Если бы я былъ богатый, я далъ бы Володѣ и его мамѣ много денегъ! У нихъ было-бы такъ-же тепло, какъ и у насъ...“ Но Ваня вспомнилъ вдругъ, что дома будутъ безпокоиться, что его ждуть къ обѣду и заторопился. Онъ всталъ и накинулъ на плечи ранецъ...

— „Я пойду, Володя,“ сказалъ онъ и протянулъ товарищу руку. Володя оставилъ печку и поднялся; его большіе задумчивые глаза стали еще серьезнѣе и грустнѣе.

— „До свиданья, Ваня. Завтра я можетъ приду въ гимназію, если мама поправится... Я провожу тебя, а то коридоръ здѣсь темный“...

А-а-а—тихо застонала въ это время больная, и стонъ ея, какъ звукъ надорванной струны, глухо прозвучалъ въ комнатѣ. Ваня остановился у дверей. Ему жаль было оставить товарища одного, онъ чувствовалъ, какъ тяжело должно быть ему оставаться одному съ больной матерью въ бѣдной холодной комнатѣ, но Володя толкнулъ дверь, и товарищи распрощались.

Холодный рѣзкій вѣтеръ кружилъ въ воздухѣ столбы снѣга, сметая ихъ въ большіе сугробы къ заборамъ и стѣнамъ домовъ. Тонкая снѣжная пыль носилась по воздуху и набивалась прохожимъ въ уши, глаза и носъ. Тротуары были почти совсѣмъ занесены снѣгомъ, и Ваня шелъ, увязая ногами въ глубокой рыхлистой массѣ, которая набивалась ему въ калоши. Онъ не чувствовалъ, какъ холодъ щипалъ ему лицо и уши, какъ вѣтеръ забирался за воротникъ шинели и забрасывалъ туда отдѣльныя пушинки блестящаго снѣга, которыя прилипали къ чуть открытой его шеѣ. Онъ шелъ, не обращая ни на кого вниманія, и въ его дѣтской головѣ тѣснился новый рой, никогда прежде не приходившихъ ему на умъ мыслей. Предъ нимъ, въ головѣ, какъ живая стояла бѣдная, непривѣтливая квартирка товарища, съ низкимъ почернѣвшимъ потолкомъ, съ грязными, оборванными во многихъ мѣстахъ обоями и тяжелымъ сырымъ воздухомъ. Тихій надорванный стонъ больной матери Володи, еще сейчасъ звучить въ его ухахъ, и ея большіе задумчивые глаза, такъ врѣзались въ его память, что ему кажется, будто они сейчасъ смотрятъ откуда-то на него, слѣдятъ за нимъ.

Жалко Володю!... Брр... Какъ холодно! Ваня ежится въ своей шинели, и ему вспоминается ихъ теплая уютная квартира, накрытый къ обѣду столъ, на которомъ слегка парится чашка съ супомъ... Папа молча читаетъ газету, опрокинувшись на спинку стула, или рассказываетъ какую-нибудь новость, а мама разливаетъ супъ въ тарелки, и пріятный, сочный запахъ, расходится по комнатамъ и чуть щекочетъ въ носу. Но ему теперь какъ-то совѣстно думать объ этомъ. Въ его душѣ какой-то переломъ. Рядомъ съ ихъ квартирой въ его головѣ мелькаетъ бѣдная комната товарища, и ему какъ-то стыдно передъ самимъ собой, какъ-то непріятно. Онъ сегодня возвращается домой не такимъ, какъ всегда. Онъ не

окидываетъ прохожихъ беззаботнымъ, веселымъ взглядомъ, не прочитываетъ въ сотый разъ вывѣски надъ магазинами, стараясь каждый разъ найти новую ошибку, не останавливается предъ окнами магазиновъ, чтобъ посмотреть на фокусные часы. Нѣтъ! Его личико сегодня задумчивое и серьезное. Онъ узналъ сегодня много новаго, много непріятнаго, и все это смѣшалось въ его головѣ, спутало его мысли. Онъ узналъ сегодня, что не всѣ его товарищи такіе счастливые, какъ онъ, что не у всѣхъ есть добрая мама, и ему это открытіе непріятно, ему больно. Жалко Володю, жалко его маму, жалко всѣхъ!

„Я попрошу у папы деньги, возьму изъ своей копилки все,“ рѣшаетъ Ваня, „и понесу Володѣ. Мнѣ не надо!..“ и онъ становится веселѣе отъ этой мысли и прибавляетъ шагу. И ему пріятно думать о томъ, какъ Володя обрадуется, какъ его мама станетъ веселѣе и не будетъ такъ грустно смотреть. „А вдругъ папа не дастъ“, пугается онъ, и опять становится скучный, опускаетъ еще ниже голову, и въ глазахъ появляются слезы. „Нѣтъ, папа добрый я ему все расскажу... Расскажу какой Володя бѣдный, какъ у нихъ холодно, что онъ голодаетъ, и папа дастъ мнѣ!... Я знаю, онъ добрый!...“ утѣшаетъ себя Ваня и глубже кутается въ свою теплую шинель.

А вѣтеръ еще яростнѣе шумитъ вокругъ, еще свирѣпѣе завываетъ, забрасывая дома и прохожихъ снѣгомъ. Небо низкое, низкое, почти надъ самыми крышами, выкидываетъ, какъ бы изъ пасти, небольшія блестящія звѣздочки и отдаетъ ихъ во власть вѣтру, который безжалостно разбрасываетъ ихъ во всѣ стороны. Ваня занятъ своими мыслями о товарищѣ, и ему какъ бы нѣтъ дѣла до того, что творится кругомъ; онъ спѣшитъ домой, спѣшитъ скорѣе попросить у папы денегъ, вынуть все изъ своей копилки, гдѣ

онъ собиралъ деньги для велосипеда, и побѣждать къ то-
варищу.

Миронъ К.

Рисованіе копотью.

Возьмемъ обыкновенную бѣлую фаянсовую тарелку и подержимъ ее надъ свѣчкой такъ, чтобы она покрылась ровнымъ, не очень гу-
стымъ, слоемъ копоті.

Рис 1.

Рис 2.

Затѣмъ заостренной спичкой сдѣлаемъ контуръ какого-нибудь предмета, напримѣръ, головы охотника, какъ показано на нашемъ рисункѣ.

Когда контуръ будетъ готовъ, той-же спичкой удалимъ копоть съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ на рисунокѣ полутонъ или свѣтъ, и оставимъ ее только въ мѣстахъ густой тѣни (см. рис. 1).

Рис. 3.

Удалять копоть нужно аккуратно, стараясь не попасть спичкой въ мѣста сплошной тѣни, а спичку каждый разъ вытирать тряпкой или кускомъ гигроскопической ваты.

Оставивъ тѣни и удаливъ копотъ со свѣтлыхъ мѣстъ, закоптимъ тарелку вновь, постепенно вращая ее надъ пламенемъ свѣчки, такимъ образомъ, чтобы пламя едва касалось тарелки, покрывая ее легкимъ коричневатымъ тономъ.

Покрывъ ее опять легкимъ слоємъ копоти, мы увидимъ, что весь рисунокъ покрылся полутонъ, на которомъ выступаютъ помѣченные раньше тѣни, какъ показано на рисункѣ 2.

Вооружившись опять спичкой, начнемъ проскабливать тѣ мѣста, гдѣ на нашемъ оригиналѣ чистый свѣтъ, или—такъ называемые—блики и полутона (см. рис. 3). Исполнивъ это, закоптимъ тарелку снова и уже въ послѣдній разъ, и мы увидимъ, что рисунокъ почти готовъ, не хватаетъ на немъ только самыхъ яркихъ бликовъ, такъ какъ проскобленные раньше покрылись теперь легкимъ полутонъ.

Теперь предстоитъ послѣдняя, отдѣлочная работа, она производится точно также спичкой, только уже болѣе тонко заостренной, при этомъ нужно помнить, что отъ тщательности и терпѣнія зависить успѣхъ работы, и малѣйшая небрежность можетъ окончательно испортить весь рисунокъ.

Когда рисунокъ будетъ готовъ, его для большей прочности покрываютъ обыкновеннымъ картиннымъ лакомъ, который наносится на тарелку мягкой кистью.

Копотью можно изображать что угодно, и любой рисунокъ изъ нашего журнала можетъ служить вамъ образцомъ.

ЕЩЕ СТАКАНЪ ЧАЮ.

Скупая хозяйка никогда не должна покупать **Некрасовскій чай**. Некрасовскій чай слишкомъ вкусенъ. Каждый изъ гостей выпьетъ непременно 5—6 стакановъ. Кромѣ того Некрасовскій чай ароматиченъ. Вы посмотрите, какъ выглядитъ стаканъ **Некрасовскаго чаю**. Что за золотистый цвѣтъ. Это тотъ чай, про который врачи говорятъ: „Онъ дѣйствительно полезенъ для желудка, онъ успокаиваетъ нервы“. Какъ онъ хорошо настаивается, это знаетъ каждый, пившій его хотя бы одинъ разъ.

Вы должны попробовать Некрасовскій чай, а особенно этотъ знаменитый сортъ **Некрасовскій Манингъ № 4**.

Онъ готовится изъ Нингшаускаго чаю, извѣстнаго своимъ ароматомъ и Кимынъ, славнаго настоемъ. Если Вы живете не въ Москвѣ, то мы Вамъ его вышлемъ по почтѣ. Мы его Вамъ отправимъ вмѣсто за 8 р. на пробу 4 фунта за **6 р. 40 к.** Пересылка, упаковка и наложенный платежъ за нашъ счетъ. Мы не знаемъ человѣка, который бы это пожалѣлъ.

Итакъ не откладывая, немедленно сядьте и пришлите намъ заказъ.

Т. Д. Ег. Ив. НЕКРАСОВЪ и С-ВЪЯ
МОСКВА, Лубянской протѣздъ, д. Некрасовыхъ.

Открыта подписка на **1909** годъ

(3. годъ изданія).

ДѢТСКІЙ МІРЪ

Журналъ для дѣтей

9-12 лѣтняго возраста.

Въ 1909 г. журналъ будетъ выходить по той же программѣ и съ тѣмъ же составомъ сотрудниковъ, какъ и въ прежніе годы.

ОБЪЕМЪ ЖУРНАЛА БУДЕТЪ ЗНАЧИТЕЛЬНО УВЕЛИЧЕНЪ.

ВСѢ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 книжки журнала, содержащихъ повѣсти, разсказы, стихотворенія, популярно-образователныя статьи, біографіи, музыкальныя произведенія, обзоры дѣтской литературы, занятія и работы, загадки, ребусы и пр. Журналъ иллюстрированъ рисунками лучшихъ русскихъ художниковъ.

6 кн. соч. Сельмы Лагерлефъ.

6 кн. соч. Жака Лондона.

10 паткилав. пьесъ для роля Цезаря Кюи.

12 книгъ иллюстриров. Энциклопедич. Словаря для дѣтей и юношества

необходимаго справочнаго изданія, охватывающаго собой все дѣтское міросозерцаніе. Предлагаемый словарь является первой попыткой создать для дѣтей возможность самостоятельно ориентироваться во всѣхъ явленіяхъ природы и культуры.

Подписная цѣна въ годъ **3** руб. Допускается разсрочка. Подписка принимается въ конторѣ журнала: Москва, Малая Лубянка, № 20, телеф. 15-03, въ книжн. маг. „Образованіе“, Москва, Кузнецкій мостъ, въ конторѣ Песковской, Москва, Петровскія линіи и въ друг. книжныхъ магазинахъ.

Иллюстрированныя проспекты по требованію бесплатно.

Редакторъ-Издатель Н. И. ФИДЕЛЛИ.

ЛУЧШІЕ ПОДАРКИ для ДѢТЕЙ: = ФОРТУНА. =

Новѣйшіе музыкальные ящики съ перемѣнными пьесами. = Прочная конструкция. = Изящная отдѣлка. = Звучный тонъ.

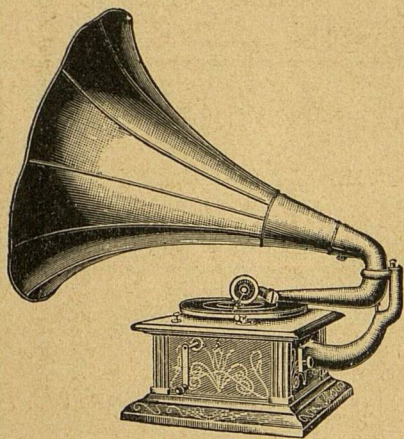
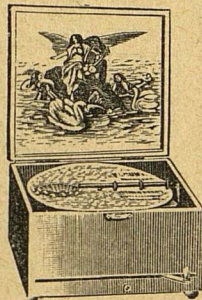
Съ ручкой въ 4.50, 7.50 и 10 руб.

Заводные въ 6.50, 18, 25, 40, 50 руб. и дороже.

Пьесы для нихъ въ 20, 30, 40, 60 коп. и дороже.

= Большой выборъ дѣтскихъ пьесъ и танцевъ. =

Каталогъ пьесъ бесплатно.

ГРАММОФОНЫ

для ДѢТЕЙ

Прочной солидной конструкции,
съ достаточно сильной, ясной
= передачей въ 12 и 15 руб. =

ДѢТСКІЯ ПЛАСТИНКИ =

ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ.

ГРАММОФОНЫ ТОНАРМЪ

въ 18, 25, 40, 55 руб. и дор.

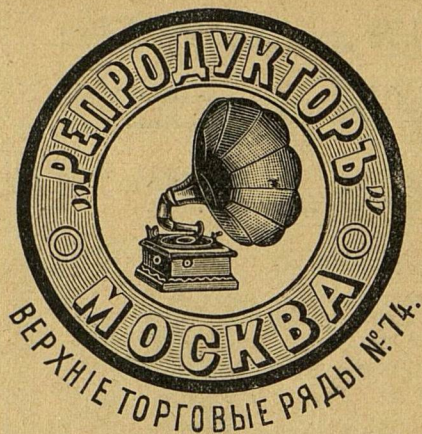
Каталогъ пластинокъ бесплатно.

СКРИПКИ, ГИТАРЫ, ЦИТРЫ, МАНДОЛИНЫ, БАЛАЛАЙКИ, ГАРМОНИИ и пр.

Полный прейсъ-курантъ № 72 высылается по требованію.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

МОСКВА, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина. С-ПЕТЕРБУРГЪ, Морская, 34. РИГА, Сарайная, 15.

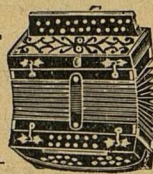

Рядомъ съ Т-мъ зинемъ.
ДЛЯ ДѢТЕЙ
 И ВЗРОСЛЫХЪ
Граммофонъ-Тонармъ

7 руб. 50 к.
ПЛАСТИНКИ
 двухстороннія отъ 50 к.
Танцы. = Сказки.
= Пѣсенки. =
Разсказы. = Басни.
 Граммофоны-Тонармъ НА ЦѢНЫ
Руб. : 10, 12, 14, 16, 20, 25, 30, 35, 40, 45, 50 и до 175.
 Пластинки всѣхъ фирмъ до 6 руб.

МУЗЫ-
кальный
ОТДѢЛЪ:

дѣтскія гармо-
 ники отъ 50 к., губныя гармоникки отъ
 10 к., балалайки отъ 1 р. 25 к., гитары
 отъ 3 р. 50 к., настоящія итальянскія
 мандолины отъ 3 р. 50 к., вѣнскія
 двухрядки 21 кл., 12 бас., мѣдныя
 планки, стальные голоса—отъ 13 руб.

ФОНОЛО-НОТЫ ВАМЪ НУЖНЫ.

„Первая русская фабрика“
 механическихъ нотъ Вамъ про-
 дастъ ноты лучшихъ русскихъ
 и иностранныхъ композиторовъ
 въ лучшемъ исполненіи, въ 2
 раза дешевле заграничныхъ.

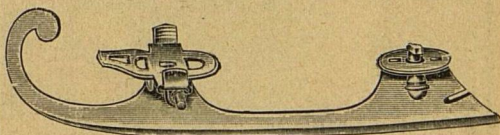
Играетъ ли для Васъ роль эконо-
 номія? Вѣдь Вы, конечно, хотите
 имѣть тѣ же **ХОРОШІЯ** ноты,
 въ 2 раза дешевле.

Если же Вы желаете увели-
 чить или часто мѣнять Вашъ ре-
 пертуаръ, то **АБОНИРУЙТЕСЬ**
 у насъ на ноты. Вы будете мѣ-
 нять ноты, какъ мѣняютъ въ
 читальнѣ книги. Условія самыя
 доступныя.

Если чья нибудь музыка Вамъ
 особенно нравится, то мы въ
 самый короткій срокъ переве-
 демъ ее на ноты фонолы.

Складъ нотъ **А. БЕРГМАНЪ**
 МОСКВА, Мясницкая Кривоколѣн-
 ный пер., д. Сытова.

Просимъ Васъ зайти. Или же
 потребуйте по телефону (49-06), или
 открыткой интересный бесплатный
 каталогъ пьесъ и условія абонеента.

КОНЬКИ

всѣхъ системъ предлагаетъ
 магазинъ ножевыхъ издѣлій

фабриканта изъ Золингена

ЭМИЛЬ ШААФЪ.

Москва, Б. Лубянка, уг. Кузн. Моста,
 д. Перв. Русск. Страж. Общ.

ДѢТСКІЕ НАРЯДЫ

Т-ГО Д-МЯ

Русаков и Попов
МОСКВА,

Кузнецкій пер., (близъ Петровки), домъ Горчакова, 4 — 17.

Иллюстрированные прейс-куранты бесплатно.

Требуйте вездѣ.

Ч а й

Требуйте вездѣ.

„Т-ВА КАРАВАНЪ“

Правленіе въ Москвѣ, Варварка, домъ Страхов. О-ва „Якорь“.

Телефонъ Правленія № 43-21.

Телефонъ отдѣленія приема заказовъ № 28-66.

Развѣска чая производится

въ городахъ:

Москвѣ, Одессѣ, Уфѣ, Самаркандѣ и Томскѣ.

Розничные магазины въ Москвѣ:

1) Арбатскія ворота.	6) Тверская-Ямская.
2) Охотный рядъ.	7) Долгоруковская.
3) Мясницкая.	8) Серпуховскія ворота.
4) Смоленскій рынокъ.	9) Рогожская.
5) Срѣтенна.	10) Покровка.

Оптовые склады имѣются въ городахъ:

Архангельскѣ, Астрахани, Варшавѣ, Вильнѣ, Вяткѣ, Екатеринбургѣ, Киевѣ, Кокандѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Одессѣ, Омскѣ, Оренбургѣ, Перми, Ригѣ, Ростовѣ н/Дону, Рыбинскѣ, Самаркандѣ, С.-Петербургѣ, Семипалатинскѣ, Тифлисѣ, Томскѣ, Уральскѣ, Уфѣ и Харьковѣ.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ:

въ Даниловѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Самарѣ, Саратовѣ, Ташкентѣ и Ярославлѣ.

Особенно рекомендуются чай №№ 50, 51, 52 и 53
подъ названіемъ „ЛЮБИТЕЛЬСКІЕ“.